

Пока в нашей литературе громко спорят о том, хорош или все-таки не очень Алексей Сальников, я шепотом расскажу, чем же всех так цепляет автор нашумевших «Петровых в гриппе и вокруг него», при том, что сильно хвалят его боятся. Новая книга «Опосредованно», вышедшая в 2019 году, раскрывает секрет Сальникова, и я с удовольствием поделюсь им.

Давайте сразу с главного. Прозу Алексея Сальникова описывают лучше всего его собственные слова из романа: *«Отец вдруг увидел, что все вокруг прекрасно не только потому, что привычно, не только потому, что ничего другого он и не видел тогда, кроме Ирбита, а прекрасно само по себе: эти две улочки, эта река с илистым дном, до которой иногда через камыши нужно еще и продирается, бледный автобус, добирющий пассажиров от села к селу и катящий в поднятой пыли».* «Опосредованно» так же как и «Петровых» отличает любовь ко всему привычному, обыденному, настолько всеми, буквально каждым, узнаваемому, что даже неловко, как от лягнутой умным человеком банальности. Но именно любовь автора преображает описываемое до такой степени, что на душе становится тепло и уютно, как в разношенных домашних тапочках. И мне ужасно хочется благодарить Алексея за этот нелепый, махровый уют от чтения. Его книга от жизни не прячет, не поднимает над миром, не ставит сложных вопросов и вообще ничего такого, что призвана делать великая литература. Хуже того, она возвращает сознание читателя в его же привычный мир. Только, знаете что, вы под-

нимаете голову над книгой и оглядываетесь на все с самой ласковой улыбкой, и вдруг обнаруживаете, что любите сонную себя, непричесанную повседневность, утомительно шумную семью всем сердцем. Настолько это хорошо, душевно, что плевать на споры вокруг Сальникова, критику. Я говорю автору напрямую — спасибо вам, Алексей.

Здесь, кстати, приведу цитату из книги, где автор отвечает вот на это «не великая литература».

«Ну, вот пишешь и понимаешь, что ты далеко не Федор Михалыч, не Иван Сергеевич, а на тебя в Союзе писателей смотрят и говорят, что ты не Федор Михалыч. И все дело как бы в том, что тематика у тебя извивая... Но ведь и все остальные практически не Федор Михалычи у нас, и даже не Дмитрий Наркисовичи. Единственное, что они делают серьезно, — это устрою следуют некому канону, который как бы серьезная литература, или такая литература, которая как бы киношный артхаус или Тарковский, в основном «Зеркало» Тарковского. Притом, что Тарковский — это ведь наркомания чистой воды».

А теперь о сюжете и тексте. Аннотации к книге указывают на альтернативную реальность в «Опосредованно». Ничего подобного. Сальников детально описывает жизнь среднестатистических граждан и добавляет всего лишь одно малюсенькое авторское допущение, что стишки и литра (со школы помните сокращение лит-ра?), как он их называет, приравниваются к наркотикам и запрещены законом к употреблению. И самое интересное, что автор, не меняя в описании такого вот обыденного

существования ничего, не добавляя никаких мистических деталей, даже не выстраивая на этом допущении сюжет, делает акцент на литературе в нашей жизни лишь фактом запрещенности. Именно такой литературе всех нас — обычных, непрофессиональных читателей, обычных, не драматических писателей с семьями, выживанием, работой, сложностями в отношениях с детьми и непонятках в их воспитании. Идеально сыграно, и мне даже неинтересно, намеренно или бессознательно это сделано, чтобы расказать не о трагическом, гениальном пути писателя, не о страдании непризнанного гения, как это бывает при подобных жизнеописаниях, а о бытовом творчестве. Главной героине, в начале книги еще девочке-подростку, предлагают попробовать стихок, испытать «приход». Вот здесь начинается подробное описание чтения, со вкусом, которое будет понятно всем книгоманьякам и которое пройдет через всю историю взросления Лены.

«Она уже привыкла, что первая строка должна захватывать и тащить через весь текст, чтобы мозг не успевал сообразить, куда его тащат, и не мог опомниться до самого конца, где закономерно стояли две оглушительные и оглушающие строчки».

Лена пытается повторить ощущения от чтения и самостоятельно создать такой стихок. Поэтому мы погружаемся в параллельный обыденному мир писателя. На протяжении книги Лена живет свою женскую жизнь, но главной для нее является скрытая от остальных жизнь писательская (и здесь так удачно переключается запрещенность законом литры и то легкое осуждение в нашем мире этого вида хобби, которое заставляет умалчивать о написанных и неизданных книгах).

«Это как охота, — медленно сказал Михаил, помолчав. — На какого-нибудь небывалого зверя. А для этого в лес надо ходить. А люди не то что в лес не желают идти, они даже не знают, где этот лес находится, принимают за лес то, что лесом не является. Удобный парк принимают за лес. Даже если мимо пройдет стадо небывалых зверей, люди не заметят и не захотят замечать».

Вся книга — размеренное течение жизни, ничего грандиозного нет. Как и в «Петровых», Алексей Сальников очень хорошо оперирует точечными бытоописаниями. И заканчивается книга ни хорошо, ни плохо, на приятном моменте. Становится и сладко и грустно от всей этой непримечательности маленького героя. А еще от осознания правдивости. Как будто мы все тайне мним себя великими или надеемся таковыми стать, а реальность простая, как ее нарисовал Сальников, без темных красок, даже без серого цвета. Мне, любительнице замахов на надличностное, надмирное, на достоевщину, трудно смириться с книгой. Будто автор вырезал что-то главное, о чем упоминает как бы между строк об известных писателях, в рассуждениях о литературе. Хочется рассердиться и закрыть — ты же мог больше, почему не стал, зачем эта маленькая, ничемная жизнь? Но в том-то и замысел. Для тех, кто только любит читать, — «Опосредованно» будет теплой и светлой. Для тех, кто пишет, — книга станет отрезвляющей и тоскливой. И вот за красоту невзрачного Сальникова будут ругать, за непопытки размаха, за отверженность великого, и за это же его будут любить тихой любовью и всегда с улыбкой.

Анна ГУТИЕВА

